

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПОНИМАНИЯ В ФИЛОСОФИИ ПРАВА Б. А. КИСТЯКОВСКОГО

В философии права Б. Кистяковского отрицается возможность исследовать сущность права посредством метода формальной юриспруденции. Ученый полагал, что единство объекта юриспруденции не означает создание единого понятия права. Методологически возможны четыре типа правопонимания, объединение познавательных и аксиологических возможностей которых позволит отобразить сущность права.

Ключевые слова: кантианская философия права, идея права, правопонимание, естественное право, аксиология права, теория права.

Богдан Александрович Кистяковский принадлежал к кантианскому направлению в отечественной философии права, тщательно разграничивающей идею права (должное в праве) и наличное состояние права и отличавшейся крайней критичностью к государственно-правовым институтам. Его построения являются итоговыми для обсуждения надгосударственного характера естественного права в русской правовой теории начала XX в.

Как философ Б. А. Кистяковский всегда придерживался мнения, что свобода личности преимущественно воплощается в сфере права. Правовое поведение немислимо без обращения к нормативной регуляции и телеологической обусловленности. Как правовед он был обязан определить тип правопонимания, адекватный как его исходной философской интуиции, так и позволяющий убедительно определить «сущность» права – основу всего понятийного аппарата правоведения. В этой связи ученому предстояло оценить методологические и эвристические возможности сложившихся вариантов правопонимания. Б. А. Кистяковский

писал: «Для того, чтобы наука о праве была методологически правильно построена, она должна быть ориентирована не на той или иной гуманитарно-научной дисциплине и не на всей совокупности их, а прежде всего на философии культуры и только при посредстве ее – на всей сумме гуманитарных наук, объединенных при помощи философии в цельную систему научного знания» [1. С. 226]. Создаваемая при помощи философской рефлексии (но не сводившаяся к ней) теория права, как часть научного правоведения, должна была осознать своеобразие своих познавательных задач и особенности познавательного метода.

Б. А. Кистяковский полагал, что невозможно построение теории права при помощи познавательных средств догматической юриспруденции – наиболее развитой части юридического знания. Вместе с П. И. Новгородцевым он видел в догматической юриспруденции прикладное, «техническое» знание [Там же. С. 237], хотя именно в данном разделе юридической науки был осуществлен точный анализ понятийных средств правоведения¹. Функции догматической

¹ Б. А. Кистяковский утверждал, что «вполне точные юридические понятия вырабатываются пока только в догматической юриспруденции. Здесь в силу практических потребностей выше всего ставится методика точности; перед нею часто должна отступать на задний план методика теоретической достоверности» [1. С. 235]

юриспруденции соответствовала специфика применяемых в ней познавательных методов.

С точки зрения этих авторов, догматическая юриспруденция есть область применения средств формальной логики к материалу законодательства [1. С. 318]. В ней реализуются классификационные схемы, которые четко отграничивают один правовой институт от другого, а также методы логической экспликации, позволяющие выводить следствия из содержания правовых институтов. Юриспруденция выявляет объективные регулятивные возможности законодательства и, обеспечивая логическую безупречность такой экспликации, позволяет рассматривать ее как прямое продолжение законодательных положений, тем самым предоставляя необходимую юридическую аргументацию для актов правореализации. Б. А. Кистяковский настаивал на том, что методы классической (догматической) юриспруденции не применимы для решения научной задачи теории права.

Функциональное назначение теории права – не практическое, а научное. Цель правовой теории – объяснение правовой реальности. По словам Б. А. Кистяковского, «среди юридических наук по преимуществу описательной наукой является догматическая юриспруденция. Напротив, общая теория права должна преследовать объяснительные цели» [Там же. С. 164]. Это достигается исследованием «сущности» права как предельного средства отображения специфики объекта юриспруденции: все многообразие правовых явлений может быть представлено как модификация указанной сущности. Отсылкой к этой сущности² заканчиваются исследовательские процедуры юридического познания. Выход за ее пределы разрушает специфичность и определенность объекта юридического знания, превращая его в объекты социологии, этики, психологии и т. д.

² Для Б. А. Кистяковского термины «сущность права» и «правовая реальность» являются пересекающимися, если не взаимозаменяемыми. В полемике с И. А. Ильиным он отнес «идею права» к образованиям не эмпирическим, но «реальным» [1. С. 189]. В дальнейших рассуждениях «сущность права» определяется не только телеологическим развертыванием «трансцендентальной основы» права, но и «причинными соотношениями» [Там же. С. 322], а они приложимы только к эмпирическим образованиям.

Ученый был убежден, что аналитическими методами невозможно определить «сущность» права. В этой связи Б. А. Кистяковский рассматривает подход к определению права, предпринятый Г. Ф. Шершеневичем. Понимая право как совокупность норм, русский цивилист полагал, что понятие права может быть обобщено до понятия нормы, и поэтому выделяет нормативность как родовой (постоянный и необходимый) признак права. Видовым признаком права будет то, что отличает правовую норму от иных социальных норм. «Пока мы будем оставаться в пределах формальной логики, мы можем утверждать, что всякое определение должно заключаться в том, чтобы были установлены родовый признак и видовое отличие» [Там же. С. 252]. Вместе с тем логическая безупречность построений Г. Ф. Шершеневича не имела в глазах Б. А. Кистяковского большой научной ценности, поскольку «сущность реального явления не может быть определена лишь путем формально-логического анализа и обобщения фактов, составляющих это явление. Этим путем мы можем более или менее удачно распределить явления на группы и классы, но отнюдь не познать их сущность» [Там же]. Таким образом, методы догматической юриспруденции объявляются неприложимыми к теории права [Там же. С. 257].

Б. А. Кистяковский связывал специфику объяснительных процедур в юриспруденции с принадлежностью последней к обществознанию («наукам о культуре») и спецификой социального объекта. Вполне очевидно, что научное обществознание построено на признании сознательной и целеустремленной человеческой деятельности. В этой связи право адекватно существует как своя идея. Право как идея выступает телеологически обусловленным образованием. Ученый был противником метафизики и поэтому подчеркивал специфику понимания телеологии в кантианстве. Б. А. Кистяковский утверждал: «С научной точки зрения, телеологическое обоснование права не может быть построено на конечной цели. Научная философия устанавливает только регулятивные цели как трансцендентальные формы, необходимо присущие нашему сознанию. Эти цели, несомненно, и обуславливают право, поскольку оно является продуктом человеческого духа» [Там же. С. 395]. Наука предполагает полноту выделения своего предме-

та, и потому предмет научного знания выстраивается как логически завершенное образование. Он не может быть сведен ни к какому другому предмету, логически он автономен и самодостаточен³. Предмет каждой научной дисциплины предполагает, что он обусловлен своими собственными (когнитивными) целями, одновременно являющимися нормативами для каждого индивидуального познающего сознания. Эти когнитивные нормы-цели, априорные для каждого такого сознания, Б. А. Кистяковский называл «трансцендентальными формами» права.

Взятая со стороны своего объективного (неотменяемого) характера, идея права служит «трансцендентальным основанием» всех – ограниченных и изменяющихся, размышлений о праве. Даже массовое и ограниченное правосознание, всякое правоприменение и непосредственная правореализация содержит некоторую идею права. Ученый отмечал, что правовая идея – это всеобщая и необходимая форма существования права. Б. А. Кистяковский писал: «Всякая норма является всегда выражением какой-нибудь правовой идеи; эта правовая идея необходимо содержится в праве и тогда, когда оно – психическое переживание, и когда оно социальное явление, и когда оно акт органов государственной власти, например, законодательное постановление или судебное решение» [1. С. 187].

Право как идея адекватно реализует свою сущность и тем самым обеспечивает свою самодостаточность (автономность). С другой стороны, право как реальность не может ограничиться своим существованием как идеи. Реальность права заставляет рассматривать его как факт, вынесенный за пределы трансцендентального или психологически-субъективного. Ученый отмечал: «Право нельзя отделять методологически от его осуществления, так как всякое право именно потому, что оно есть право, является всегда действующим или осуществляющимся правом... не действующее и не осуществляющееся право не есть право, а в лучшем

случае лишь представление о праве, или, иными словами, есть понятие права в его чисто теоретическом и познавательном значении» [Там же]. Присутствие права в эмпирической реальности ограничивает идею права. Здесь оно утрачивает свою автономию и выступает уже не самодостаточным образованием, а частью более широкого, социального целого. Его существование определяется внешней для права средой, и поэтому нельзя говорить об автономных, собственных (логических и этических) целях права.

В социальной среде существование права характеризуется гетерономией его целей. Право оказывается средством для социальных целей и как средство подчиняется этим целям – устойчивости и благополучию общества. Ученый писал: «Существо права определяется не одними трансцендентальными целями. Напротив, наряду с трансцендентальными целями в праве действуют и гетерогенные им эмпирические цели: те и другие многообразно обуславливают природу права» [Там же. С. 396]. Б. А. Кистяковский отмечал, что придание праву гетерономных ему целей не обязательно приводит к разрушению и искажению идеи права. Эта опасность существует, но она не фатальна. Какой-то вариант общественной организации будет соответствовать идее права, и сама эта организация приобретет правовой характер. По словам автора, «эмпирические цели, обуславливающие существо права, – это цели организации совместной жизни людей. Право, обслуживая общественно-бытовую, экономическую и государственную организации, является выражением всех этих форм организации. В соответствии с относительностью понятий цели и средства, право бывает то средством, то целью на пути к построению всесторонней организации совместного существования людей» [Там же].

Представление о гетерономных целях права позволяет Б. А. Кистяковскому перейти к иной, не-телеологической обусловленности правовой реальности.

Признание права эмпирическим образованием означает применение к ней понятия причинности как необходимого средства исследования эмпирической реальности. В свою очередь, это означает требование исследования движения права без отсылки к сознательной и целенаправленной деятель-

³ Ученый считал, что юриспруденция должна ориентироваться на строгое разграничение ее предмета: «роль юридической науки, как таковой, всегда заключалась в том, чтобы изолировать право от других проявлений индивидуальной и социальной жизни и этим путем отстаивать его непреложную действительность» [2. С. 15].

ности человека. В целом теория права включает два типа объяснительных процедур – каузальную и телеологическую, поскольку «сущность» права включает в себя и идею, и факт правовых действий лиц. Автор полагал, что «задача объяснительных методов общей теории права... заключается в познании тех причинных и телеологических соотношений, которые действуют в известном явлении и обуславливают его» [1. С. 321]. Таким образом, Б. А. Кистяковский отказался от представлений об исключительно телеологической обусловленности правовой реальности, выраженных еще в его работе «Общество и индивид» [3. С. 55]. Новые воззрения автора основываются на противоречивом суждении о «сущности» права и правовой реальности – оно утверждает одновременно и телеологическую, и причинную обусловленность права, хотя каждая из них является самостоятельной и всеобщей формой детерминации реальности.

В научной юриспруденции право фиксируется понятийными средствами. Понятийное освоение правовой реальности не может быть исчерпывающим в силу логических свойств понятий. Понятие как познавательное средство вербализует абстракцию изоляции. В праве – иррациональном образовании социальной жизни – исследователь выделяет различные стороны и устанавливает между ними отношения логической независимости (различные стороны правовой реальности могут мыслиться независимо друг от друга, хотя в «жизни» они взаимосвязаны и не могут существовать раздельно). Далее, любая из этих сторон может рассматриваться репрезентантом права как такового. По словам ученого, «все эти различные его проявления или все эти стороны его многоликого и многообразного существа подлежат вполне самостоятельному изучению и разработке. В результате изучения каждого из различных проявлений права мы будем, конечно, всякий раз получать совокупность известных сведений, говорящих о том, что представляет собой право с этой стороны его существования. Эти сведения мы и можем, согласно правилам формальной логики, сводить в определения, т. е. образовывать из них понятия. Ведь понятие лишь выражает в концентрированном виде то, что мы знаем о предмете. Другой функции оно не имеет и не способно

выполнять. Поэтому научно правомерно не одно, а несколько понятий права» [1. С. 191].

Б. А. Кистяковский признавал, что научное познание права не может представить право как целое в силу особенностей понятийной организации научного знания. Поэтому в теории права на равных основаниях должны быть представлены несколько понятий, фиксирующих различные стороны сущности права и образующие разные варианты правопонимания. Автор выделял следующие.

1. «Государственно-организационное, или государственно-повелительное, понятие права». Его существо ученый определяет так: «Это понятие права различными учеными определяется как совокупность норм, исполнение которых вынуждается, защищается или гарантируется государством. Коротко это понятие можно формулировать в словах: право есть то, что государство приказывает считать правом». Его сильная сторона в том, что право определяется как надындивидуальный объективный порядок, независимый от индивидуального отношения к нему или понимания такового: «большинство юристов-позитивистов обходится именно этим понятием права. Его преимущества несомненны, так как оно имеет в виду государственно-организационный элемент в праве». Для ученого несомненна и ограниченность этого варианта правопонимания: «Будучи последовательным, с точки зрения этого понятия права, из области права надо исключить значительную часть обычного права, большую часть государственного права и международного права» [Там же. С. 191–192].

2. «Социологическое понятие права». Этот вариант правопонимания критичен в отношении государственно-организационного определения, поскольку отрицает, что «право, которое осуществляется в жизни, является только отражением или лишь простым следствием того права, которое выражено в законах». Существо данного правопонимания таково: «если мы захотим выразить в кратком определении, что представляет собой право, изучаемое с этой стороны, то мы должны сказать, что право есть совокупность осуществляющихся в жизни правовых отношений, в которых вырабатываются и кристаллизуются правовые нормы. Это понятие, несомненно, шире государст-

венно-повелительного; оно обнимает и обычное, и государственное, и международное право во всем их объеме». К недостаткам социологического правопонимания автор отнес игнорирование индивидуальной составляющей в правовой реальности (индивидуального правосознания, индивидуального самоопределения в отношении правового порядка). Оно «совершенно неспособно включить в свое определение и тот преднамеренный и сознательно-целесообразный элемент правовой жизни, который особенно дорог для всякого юриста. Поэтому к социологическому понятию права очень любят обращаться все те, кто желает оттенить недостатки всякого правового порядка; им пользуются для того, чтобы обесценить значение права как активно-и творческого элемента» [1. С. 192].

3. «Психологическое понятие права». Психологическое правопонимание в юридической науке того времени ограничивало правовую реальность сферой индивидуальной правовой психики. При этом Б. А. Кистяковский полагал, что методологические возможности психологического подхода были способны отразить переход индивидуальной правовой психологии в объективированный порядок (но чего «психологи» не делали). В этой связи он был несогласен с определением права, данным основателем психологического направления Л. И. Петражицким. Б. А. Кистяковский предложил уточненную формулировку психологического правопонимания. Он отмечал: «Если мы, принимая во внимание недостаточную разработанность учения о праве как психическом явлении, захотим все-таки уже теперь хотя бы предварительно определить психическое понятие права, то мы должны будем сказать, что право есть совокупность тех императивно-атрибутивных душевных переживаний, которые путем психического взаимодействия членов данной общественной группы приобретают общее значение и объективируются в правовых нормах» [Там же. С. 193].

4. «Нормативное понятие права»⁴. В нем право предстает как идея права. Оно включает в себя положения естественно-правовой доктрины, но в дальнейшем утратило

сомнительный характер утверждения о наличии «двойника положительного права» [Там же. С. 179]. По словам Б. А. Кистяковского, «с нормативной точки зрения право есть совокупность норм, заключающих в себе идеи о должном, которые определяют внешние отношения людей между собой». Автор признавал аксиологический характер этого варианта правопонимания, но полагал и наличие в нем научной составляющей: «...по преимуществу идеологический характер этого понятия заставляет некоторых исследователей, как мы видели, предполагать, что это понятие совсем не содержит в себе определения реальности права. Это предположение неверно, но в то же время несомненно, что вполне определить реальность права это понятие неспособно. Тем не менее это понятие обладает большой познавательной ценностью, так как оно выделяет такой элемент в праве, который не определяется исчерпывающим образом ни одним из предыдущих понятий права» [Там же. С. 193]. Для кантианской методологии «нормативное понятие права» есть не столько утверждение о том, чем должно быть право, сколько утверждение о том, как должно правильно мыслить о праве. В правовой аксиологии Б. А. Кистяковский различал два компонента – логико-нормативный и этико-нормативный. Их различие обусловлено обязательным для кантианской методологии разграничением теоретического и практического разума. При этом, в отличие от воззрений немецкого классика, право есть область приложения и теоретического разума. Ученый отмечал: «Право гораздо существеннее обусловлено трансцендентальными целями. Эти цели различаются между собой: одни из них присущи разуму, или интеллектуальному сознанию, другие – совести, или сознанию этическому. Прежде всего “в праве есть разум”; эта истина была установлена в связи с обсуждением телеологического обоснования права» [Там же. С. 396].

Логико-нормативный аспект правовой аксиологии принадлежит научному знанию, поскольку отображает нормативы научного познания, или, по терминологии автора, «трансцендентальную основу права» [Там же. С. 189]. В истории права это проявилось как требование когерентности правовых предписаний, рациональной организации правовых актов. В этой связи «не подлежит

⁴ С точки зрения Б. А. Кистяковского, его лучше назвать «этико-логическим понятием права» [1. С. 178].

сомнению, что праву присуща цель быть в логическом отношении законченно и совершенно обобщенным, расчлененным и систематизированным» [1. С. 397]. Этико-нормативный аспект также требует приложения к праву рациональных критериев, но уже не мышления, а общения. Автор утверждал, что «рациональные цели, обуславливающие существо права, заключаются в том, что право в своем содержании всегда воплощало все разумное в совместном существовании людей» [Там же]. Согласно кантианской традиции, эти рациональные критерии вырабатываются этикой. Этические ценности права не могут быть сведены в систему, подобно ценностям логики. Б. А. Кистяковский признавал самостоятельное значение ценностей свободы и справедливости, их несводимость друг к другу и отрицал попытку Е. Н. Трубецкого определить сущность права только посредством категории свободы. В этом случае Б. А. Кистяковский разделял суждение П. И. Новгородцева, высказанное в 1909 г. [4. С. 205], и писал следующее: «Этическое существо права не может быть сведено к одной этической цели или хотя бы к одному разряду этических целей... В действительности, однако, право движется и обуславливается двумя различными этическими целями: оно является одновременно носителем и свободы, и справедливости» [1. С. 397]. В трактовке Б. А. Кистяковского, право оказывается приоритетной областью реализации этических ценностей, поскольку «право стремится воплотить в себе свободу и справедливость наиболее полно и совершенно» [Там же]. Признание равной ценности правовых начал свободы и справедливости является прямым продолжением кантианской философской идеи равной ценности личности и общества (разделявшейся одинаково и П. Б. Струве, и Б. А. Кистяковским, и П. И. Новгородцевым). Ценность свободы отражала ценность отдельного лица, а ценность справедливости была выражением ценности общественной солидарности.

Нормативное понимание права несет те же ограничения, что и предшествующие варианты – оно абстрактно. Ученый утверждал: «Границы его заключаются в том, что оно неспособно целиком определить осуществление права и его конкретное воплощение в психологическом переживании, социальном явлении и акте государственно-

организационной деятельности... Итак, подобно тому как психологическое понятие права, имея дело с психическими переживаниями, не охватывает всей области права и недостаточно для объяснения реальности объективного права, так и нормативное понятие права также не охватывает этой области целиком и недостаточно для всестороннего объяснения осуществления права» [Там же. С. 189].

По мысли Б. А. Кистяковского, все варианты правопонимания принадлежат одной предметной области – теории права, поскольку ориентированы на поиск «сущности» права. Сложившиеся между ними отношения конкуренции он считал ошибочными в силу равнозначности процедур⁵ и результатов абстрагирования⁶ различных сторон правовой реальности. Ученый писал: «И социологическое, и государственно-организационное понятия права так же ограничены, хотя и в других отношениях, как и психологическое и нормативное его понятия. Это уже не раз доказывалось в специальной литературе. Ни одно из этих понятий не может претендовать на безраздельное господство в науке о праве. Всякий раз, когда делаются попытки утвердить такое господство того или иного понятия, обнаруживаются его слабые стороны и само это понятие подвергается извращению» [Там же. С. 190]. Эти подходы равно логически обоснованы, но дают существенно различающиеся определения «сущности» права. Ученый принимает их как исследовательскую данность, давнюю интеллектуальную традицию и признает за ними эвристическую ценность. Различные традиции правопонимания обращены к изучению значимых сторон правовой реальности, игнорирование

⁵ Ученый отмечал, что ориентация различных вариантов правопонимания на достижения частных наук (психологии, социологии) не дает им преимуществ, поскольку сами эти науки не имеют преимуществ друг перед другом ввиду различия предметов изучения [1. С. 232].

⁶ Отношения конкуренции логически невозможны, поскольку варианты правопонимания не могут быть обобщены. Они не соотносятся как общие и частные случаи. Б. А. Кистяковский писал: «Все эти понятия, как теоретические, так и технические, несводимы друг к другу. Это было бы возможно только в том случае, если бы между ними существовало отношение логической подчиненности, т. е. если бы одно из них было родовым понятием, а остальные видовыми, чего, как мы знаем, нет» [1. С.194].

которых при определении права недопустимо. Б. А. Кистяковский отмечал: «Право может подлежать исследованию или как по преимуществу государственно-повелительное, или как социальное, или как психическое, или как нормативное явление. Все эти различные исследования представляют одинаковую ценность в процессе научного познания права в его целом. Конечно, каждое из них имеет в виду по преимуществу какую-нибудь одну сторону правовых явлений» [1. С. 197].

Отмечая равную эвристическую ценность всех вариантов правопонимания, автор признавал единство предмета правоведения [Там же. С. 194] и полагал, что плюрализм правопониманий не препятствует созданию единой теории права. Б. А. Кистяковский полагал, что хотя «нельзя создать единого научного понятия права, ибо таких понятий несколько, мы не можем и не должны отказаться от стремления иметь общую теорию права» [Там же. С. 195]. Строительство искомой единой теории права осуществлялось, однако, автором вдали от провозглашенного принципа несоизмеримости правопониманий. Ученый предложил искать как методологически упорядоченные способы введения принципов понимания права, так и выстраивать отношения субординации между ними хотя бы в форме введения промежуточных, вспомогательных классификаций указанных вариантов. Он писал: «Нельзя удовлетворяться также лишь перечислением различных научных понятий права. Не подлежит сомнению, что должны существовать и такие синтетические формы, которые объединяли бы эти понятия в новый вид познавательных единств» [Там же]. Фактически Б. А. Кистяковский предлагал строить теорию права как интегративное правопонимание, сравнивая и обобщая различные подходы к определению права.

Найденное ученым решение предполагало объединение четырех подходов к пониманию права в более крупные классификационные единицы. Основания такого объединения были следующие.

(А) Представление о субстрате права. Все исходные варианты могут быть обобщены в две группы в зависимости от определения носителя права. Они становились версиями права либо в объективном, либо в субъективном смыслах. Это позволяло за-

фиксировать исследовательские предпочтения при выборе аспектов сущности права (социологических, психологических, нормативных и т. д.) в устоявшихся, конвенциональных терминах юриспруденции. Б. А. Кистяковский писал: «Основных исходных пунктов при исследовании права – два. Они обусловлены тем, что право как явление дано и в виде совокупности правовых норм, и в виде совокупности правовых отношений. При исследовании права каждый исследователь и принимает за отправную точку своего исследования или одну, или другую из этих совокупностей» [Там же. С. 196]. Посредством такой процедуры все варианты правопонимания становились взаимодополнительными. По утверждению ученого, «каждое определение понятия права, независимо от того, в результате изучения какой бы стороны права оно ни получалось, должно одинаково иметь в виду и совокупность норм, и совокупность правоотношений, т. е. и объективное, и субъективное право. Только если оно так или иначе включает в своем определении и то, и другое, оно действительно охватывает реальность права» [Там же. С. 198].

(Б) Представление об источнике правовой динамики. С точки зрения Б. А. Кистяковского, методологически правильно было бы выделить источник развития права как основание классификации вариантов правопонимания. Согласно кантианской методологии, юриспруденция как часть «наук о культуре» включает представления как о причинной, так и телеологической связи в составе правовой реальности. О методологических преимуществах такого подхода к классификации он писал следующее: «Казалось бы, проще всего свести данные, добываемые этими исследованиями реального существа права, к двум понятиям – к понятию права как явления, обусловленного причинами, и к понятию права как явления, обусловленного целями. Такое решение вопроса было бы продиктовано строго методологическими соображениями» [Там же. С. 397]. Б. А. Кистяковский отдавал себе отчет, что подобное построение привело бы к разрыву с уже устоявшейся исследовательской практикой. Этот шаг он сделать не захотел и соотнес правильные основания классификации с уже имеющимися вариантами правопонимания. Ученый констатировал: «Группировка и деление научного зна-

ния чрезвычайно редко вырабатываются по указанию требований, предъявляемых методологией. Руководящею для них почти всегда оказывается чисто предметная классификация, а не методы исследования. В силу этих соображений мы и пришли выше к заключению, что знание о праве, добываемое подлинно научным исследованием права, надо систематизировать и сводить к четырем теоретическим понятиям права» [1. С. 397]. Для него важно было не отбросить сформировавшиеся подходы к пониманию права, а соотнести их с методологически корректными основаниями классификации. С его точки зрения, такое соотнесение в целом⁷ возможно. Существующие варианты правопонимания могут быть представлены как ориентированные либо на телеологическое развертывание «идеи права», либо на гетерономное и причинно обусловленное развитие права в социальной среде. Исследователь отмечал: «Первые два понятия дают сводку научных знаний о праве, добываемых при исследовании права как явления

причинно обусловленного. В нормативном понятии формулируются знания о праве как явлении телеологического порядка, обусловленного трансцендентальными целями, т. е. как явлении разумном и этически ценном» [Там же. С. 397–398].

Таким образом, включая в сущность права его трансцендентальную идею и право как социальный факт, Б. А. Кистяковский стремился создать «научное правоведение» как интегральное правопонимание, восполняющее недостатки существующих познавательных подходов.

Список литературы

1. *Кистяковский Б. А.* Философия и социология права. СПб., 1998.
2. *Кистяковский Б. А.* Наши задачи // Юридический вестник. 1913. Кн. 1.
3. *Кистяковский Б. А.* Общество и индивид. М., 2002.
4. *Новгородцев П. И.* Кризис современного правосознания. М., 1996.

⁷ Вместе с тем, по мысли автора, «государственно-организационное» понимание права в это соотношение не могло быть введено логически удовлетворительным образом [1. С. 398].

Материал поступил в редколлегию 06.03.2010

Yu. P. Ivonin

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LAW ESSENCE IN B. KYSTIAKOVSKY'S LEGAL PHILOSOPHY CONCEPT

The possibility of studying essence of law by the methods of formal jurisprudence is disclaimed in B. Kystyakovsky's legal philosophy. He supposed that the unanimity of the jurisprudence's object doesn't lead to the unified essence of law. Four types of understanding essence of law can be defined, cognitive and axiological unification of them permits to reflect the essence of law.

Keywords: Kantian Philosophy of law, idea of law, understanding essence of law, natural law, axiology of law, general theory of law.